

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-7-19

ВКЛАД В. Х. КАЖАРОВА В КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

Озова Фатима Анатольевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, fo7799@rambler.ru

Круг научных интересов В. Х. Кажарова в полной мере соответствовал тенденциям развития мировой исторической мысли конца XX в. Историк разработал многие аспекты аграрной и этнополитической истории, в частности проблемы новаций и трансформаций традиционной политической культуры конца XVIII–XIX вв., а также вопросы духовной и интеллектуальной истории, ментальности и исторического сознания черкесов. В.Х. Кажаров, применив при анализе истории базовых институтов черкесского социума (его социальной основы – вотчины-общины / кьуажэ и важнейших элементов политической системы – законодательных сословно-представительных собраний / хасэ, великого князя / пшышхуэ) структурный подход, сформулировал концепцию кризиса феодальных отношений в Черкесии и решил вопрос о причинах дивергенции путей общественного развития Востока и Запада страны в конце XVIII в. Исследования В.Х. Кажарова имеют фундаментальное значение для понимания социально-политической истории всех кавказских этносов.

Ключевые слова: В.Х. Кажаров, методология, структурообразующая единица, вотчина-община, черкесская государственность, черкесский парламентаризм, земельное «утеснение», дивергенция, Кавказ, Черкесия.

Научное наследие Кажарова, несмотря на многочисленное обращение к нему историков, только ждет своего должного осмысления, но уже очевидно, что оно составляет веху не только в кавказоведении, но и в целом в российской историографии. Монография В.Х. Кажарова «Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века» уже сразу же после выхода в свет была особо отмечена в контексте анализа истории развития мировой и отечественной этнологии [Семенов 1998: 16]. Нет сомнения, что труды историка могут быть причислены к числу трудов такой плеяды ученых-кавказоведов как П.Г. Бутков, С.М. Броневский, К.Ф. Сталь, Н.И. Карлгоф, Ш.Б. Ногмов, С. Хан-Гирей, Е.Д. Фелицын, М.О. Косвен, Г.А. Кокиев, В.К. Гарданов, Е.Н. Кушева, Т.Х. Кумыков, Е.Дж. Налоева, Р.У. Туганов, С.А. Арутюнов.

Наибольшее место в научном наследии ученого занимают проблемы феодализма и государственности в Черкесии. Им посвящены его кандидатская и докторская диссертации и изданные на их основе капитальные монографии [Кажаров 1982; Кажаров 1992; Кажаров 1993; Кажаров 1994; Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7–61]. Эти труды В.Х. Кажарова можно назвать методическими ключами к макро- и микро-исследованиям социально-политической и социально-экономической истории Кавказа. В силу чего ни одна работа по истории длительной феодальной эпохи на Кавказе не может обойтись без учета их результатов.

Коллеги отмечают, что «участие В.Х. Кажарова в том или ином научном проекте было гарантией его успеха» [Губжоков 2014: 237]. В связи с актуализацией

конфессионального дискурса в Российской Федерации вопрос о роли религиозных институтов в жизни общества, как в ретроспективе, так и в перспективе, приобрел на рубеже 1990–2000 гг. новое звучание. В 2002 г. под руководством Кажарова в Кабардино-Балкарской республике была осуществлена комплексная этнографическая экспедиция из сотрудников Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая и КБИГИ. По ее итогам в РГНФ была представлена обширная монография «Ислам в КБР». В 2007 г. вышла в свет коллективная монография «Северный Кавказ в составе Российской империи», в которой В.Х. Кажаров выступил автором и соавтором многих глав. Она получила высокую оценку профессионального сообщества, как в России, так и за рубежом» [Губжоков 2014: 237].

Беспрецедентным событием не только для черкесов, но и для всех народов Кавказа остается выход в свет «Адыгской (черкесской) энциклопедии». В энциклопедии впервые в отечественной историографии была столь полно воссоздана целостная картина тысячелетнего исторического пути черкесского этноса. Здесь был подведен определенный итог исследованиям по проблематике черкесского феодализма и черкесской государственности. Очевидна выдающаяся роль В.Х. Кажарова в реализации этого проекта не только как талантливого ученого, но и как организатора науки.

Под руководством Кажарова издано уникальное по своей источниковой ценности собрание черкесских песен времен Кавказской войны. Предисловие Кажарова «Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны» [Адыгские песни: 29–86] имеет важное методологическое значение для разработки проблем исторической памяти, традиционализма и новаторства в политической культуре черкесов.

В последние годы В. Х. Кажаров уделял особо пристальное внимание разработке проблем интеллектуальной истории, исторической ментальности и в этом контексте исторической памяти и исторического сознания своих соотечественников. Осмысление этих тем базировалось на анализе интеллектуального наследия знаковых личностей, не только представлявших социальную и политическую элиту, но и оставивших глубокий след в истории Черкесии и в историческом сознании народа. Среди них были Жабаги Казаноко [Кажаров 2005а: 301–328], Шора Ногмов [Кажаров 2005: 326–344], Измаил-бей и Адиль-Гирей Атажукины, Исхак Абуков [Кажаров 2006: 500–511]. В 2012 г. вышла первая из планировавшихся им работ по анализу исторического сознания черкесов (кабардинцев). Однако исследованию «Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в.». суждено было, к сожалению, стать не первым, а последним трудом из запланированного им интереснейшего и большого научного проекта [Кажаров 2012: 5].

* * *

Очевидно, что В. Х. Кажаров изначально не ставил перед собой честолюбивой задачи «перевернуть» все представления о социально-политической системе Черкесии, однако, получилось именно так. На протяжении всей своей научной деятельности историк проявлял огромный интерес к традициям государственно-политического устройства Черкесии. Он выделял два уровня государственно-политической истории черкесов: 1) архаический – с III тыс. до н.э. до XV в. и 2) исторический – с XV в. до XIX в. [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 5]. Эта периодизация достаточно условна и требует уточнений. Сегодня можно указать на необходимость большей степени ее корреляции с большими европейскими эпохами – Античностью, Средневековьем и Новым временем. С другой стороны, нужна коррекция через призму выработанной самим ученым периодизации эпохи феодализма в Черкесии. В этом ракурсе представляется сулящим большие

исследовательские перспективы развитие подхода В.Х. Кажарова к анализу системы политической культуры Черкесии путем дифференциации различных пластов государственно-политической традиции с точки зрения их места в политической культуре народа. Первый уровень институтов составлял фундамент «функционирования и последующих модификаций» политической системы. Он объединял политические институты, которые, несмотря на определенную дискретность существования во времени, бытовали на протяжении всей истории политического существования народа. Второй – трансформации этих институтов, сохранившие «генетическую связь с прежней государственностью». В-третьих – имплицитные явления, скрытые в глубинных пластах этнической культуры и обладающие «определенным потенциалом ревитализации» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7]. В.Х. Кажаров считал первоочередной задачей изучения явлений первого порядка, связанных с глубокими государственно-политическими традициями черкесов. К ним можно отнести, прежде всего: 1) тип государственности (маленькие политии и их союзы / *благъагъэ*); 2) систему государственного управления (институты *хасэ* и *тхъэмадэ*); 3) институты социально-политического саморегулирования (гостеприимство, аталычество, искусственное родство и др.), строившиеся на принципах союзничества.

В современном историческом обыденном сознании черкесов и в черкесской историографии «начало процессов формирования ранней государственности у предков адыгов принято относить к III тыс. до н.э.» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 7]. Это была эпоха формирования на северо-востоке Малой Азии городов-государств, на основе которых произошло становление во II тыс. до н.э. могущественной Хеттской империи. Генетически с государствами хаттов и касков Малой Азии была связана бытовавшая в традиционном ареале проживания адыгов и абхазов на Кавказе (IV–III тыс. до н.э.) самобытная майкопская культура. Эта древняя эпоха в истории черкесов идентифицируется историками как северная периферия древневосточной цивилизации. Доказана генетическая преемственность с майкопской культурой сменивших ее археологических культур [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 8].

Характерная для архаической эпохи система государственного существования в форме малых политий и городов-государств, объединенных между собой политическими союзами / *благъагъэ*, доминировала в политогенезе адыгов во все последующие исторические эпохи. В Античность этот тип черкесской государственности сохранялся в виде «маленьких независимых царств» [Русские авторы... 2001. Т. 1: 220] (Синдского, Фатейского и др. в VI–IV вв. до н.э.) и их союзов. Примером такого типа союзничества можно расценивать вхождение Синдского царства в начале IV в. до н.э. в Боспорское царство [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 8]. В первые века нашей эры прославился Зихский политический союз (зихи – древнегреческая транслитерация древнего автоэтнонима черкесов *адыги*). В Средневековье эта традиционная модель политогенеза проявилась через расцвет удельных феодальных княжеств и их союзов. Наибольшую известность получил союз раннефеодальных адыгских политий – Касожский союз. В советской историографии устоялось мнение, что с его образованием в IX в. завершилось становление «единого древнеадыгского народа, отличавшегося общностью территории, языка, культуры, этнического самосознания, феодальным типом социальных отношений и государственного устройства» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 9]. Касожский союз сохранил исконную черту черкесского политогенеза – полицентрическое, децентрализованное политическое устройство. В.Х. Кажаров отмечал, что недостаточная централизация в масштабах Касожского союза «частично компенсировалась усилением государственного начала в отдельных его частях» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 9]. При этом есть сведения о наличии в Касожском союзе мощных центробежных процессов. В начале XI в., к примеру, князь Касожский

Ридадэ (Редедя) предстает в Лаврентьевской летописи как суверен единого политического организма [Гадло 2006: 440, 441, 447]. Попытки централизации Черкесии в пору зрелости феодальных отношений в XIII–XVII вв. и их кризиса в XVIII в. были дискретны. Они осложнялись постоянными экспансионистскими вызовами стране на протяжении столетий (монгольское нашествие XIII–XV вв., османская экспансия последней четверти XV в. – 1829 г., российская экспансия 1763–1864 гг.). После наиболее мощного центростремительного импульса, имевшего место в эпоху пщышхуэ Черкесии Инала (1427–1456), страна распалась сначала на два, а позднее на три княжества с политическими центрами на западе страны – в Причерноморье, в срединной части – на Кубани в урочище Майкоп и на востоке – в Пятигорье.

В период зрелого феодализма удельные князья «превратились в типичных феодальных государей с определенной территорией, подвластным населением, судом, войском и управленческим аппаратом» [Налоева 2015: 73]. Все уделы страны консолидировались в начале XVIII в. вокруг трех политических центров. Во главе этих княжеств стояли избиравшиеся по лествичному праву великие князья – пщышхуэ и сословно-представительные собрания / Хасэшхуэ. Политический строй феодальных княжеств Черкесии (на примере Кабарды) был идентифицирован Г.-Ю. Клапротом, как республиканско-аристократический [Адыги, балкарцы... 1974: 260]. В.Х. Кажаров, развив его идеи, через исследование аграрного строя и государственно-политических институтов пришел к заключению, что с XVI в. черкесские княжества стали представлять собой «сословно-представительные монархии в форме федеративных княжеских республик» [Кажаров 1994: 267]. Он называл политическую систему Черкесии также полицентрической или «децентрализованной сословно-представительной монархией в форме федеративной княжеской республики» [Кажаров 2012: 36]. Безусловно, в данном определении ключевое место принадлежит лексемам *полицентрическая* и *децентрализованная*, отражающим характерную черту черкесского политогенеза. Особенность управляться на протяжении веков в виде «маленьких независимых царств» [Русские авторы... 2001. Т. 1: 220] способствовала среди прочих факторов формированию внутри черкесского народа черкесских субэтнотосов, которые фигурируют в источниках XIX в. как черкесские «народы» или «племена».

Несмотря на то, что использование В.Х. Кажаровым понятия *федеративный* предназначалось, прежде всего, для отличавшейся от других черкесских княжеств многонациональностью Кабарды, которую он именовал также «малой феодальной империей» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 19], надо признать его условность. Необходимо подчеркнуть, что в Кабарде федеративное политическое объединение, как и во всех регионах Черкесии, было основано на древней традиции децентрализованного государственного устройства. Именно в соответствии с этой политической матрицей были объединены в «федерации» политические субъекты. Если в Кабарде имели место определенные культурно-языковые отличия нескольких субъектов (ингуши, назраны, карабулаки, тагаурские осетины, урусбиевские осетины, хуламцы, безенги-осетины, шестиродные абазины, карачавцы) [Кажаров 1994: 179, 180], то в подавляющей части страны принцип децентрализации существовал не по причине значительных языковых, правовых, политических, социально-экономических и культурных различий. Более того, источники подчеркивают полную идентичность в названных аспектах всех черкесских политий. К. Главани в начале XVIII в. их просто называл отдельными провинциями единой страны [Северный Кавказ... 2006: 142]. Во всех частях Черкесии действовала неписаная Конституция Черкесии или Адыгэ хабзэ, определявшая «порядок сношений, разрешений споров» внутри княжеств, «формы их объединений и руководства ими» [Катанчиев 2003: 33]. Сан великого князя продолжал играть роль института и символа политической интеграции. Несмотря на политическую

децентрализацию, потомки Кеса-Инала Иналиды [Леонтович 2002: 165], правившие в Черкесии в XIII–XIX вв., являлись единственными государями Черкесии и составляли единый и четко очерченный класс князей-пщы. С.М. Броневский очень тонко подметил этот важный нюанс политической системы Черкесии, подчеркивая, что княжеские роды управляются каждый в своем уделе как «властные владельцы, а в народных собраниях, как члены федеративного общества» [Броневский 1823: 112].

Чрезвычайно важен для изучения государственно-политического устройства Черкесии вывод В.Х. Кажарова о том, что Кабарда (а, соответственно, и другие черкесские княжества) не пошла в своем развитии дальше сословно-представительной монархии, как это было в типологически близких черкесам по социально-политическому устройству и менталитету обществах Западной Европы. К примеру, во Франции этот переход к абсолютной монархии состоялся в 1661–1715 гг. Ученый показал, что даже в наиболее сильной своим аристократическим классом Кабарде «в господствующих структурах власти и собственности не выработались альтернативные им элементы (даже в самой зачаточной форме), которые впоследствии, в другом историческом контексте, стали бы переходным этапом к образованию абсолютной монархии» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 14]. Таким образом, традиция государственного управления через мелкие политии и их союзы стала фактором, который наряду с внешними экспансионистскими вызовами воспрепятствовала формированию не только на территории всей Черкесии, но и в отдельных княжествах, как, например, Кабарда, абсолютистской системы власти.

В свое время большой заслугой советских этнологов стало выявление такой важнейшей специфики черкесской социально-политической системы, как развитие феодальных отношений под оболочкой различного рода патриархальных институтов и обычаев. Заслуга В.Х. Кажарова состояла в том, что он продолжил эти исследования на структурно-институциональном уровне. Всестороннее осмысление одного из главных элементов системы государственного управления Черкесии – хасэ, привело историка к выводу, что под этой лексемой в различные периоды истории черкесов скрывались разнообразные по своей сущности и характеру институты. Эта лексема обозначала как 1) архаичные народные собрания, так и 2) феодальные законодательные сословно-представительные собрания. В.Х. Кажаров отмечал, что такое словоупотребление не может быть случайностью. Он выявил пять общих параметров в функционировании архаичного народного (Нартхасэ, хасэ нартов) и сословно-представительного собраний (хасэ уделов и княжеств). Первая и наиболее очевидная сходная черта заключалась в том, что они представляли собой политические институты, являвшиеся высшими органами власти в рамках того общества, где они функционировали. «Во-вторых, вся общественная жизнь, как нартов, так и адыгов в период феодализма вращалась вокруг хасы. В-третьих, эти советы были отделены от основной массы народа. В-четвертых, их состав не избирался. В нартскую хасу могли приглашать особо прославленных героев, но сам народ не избирал их. Внешне примерно так же (во всяком случае, до 60-х годов XVIII в.) обстояло дело и на феодальных советах, в которых князья и знатные дворяне участвовали в силу своего наследственного статуса и положения вотчинников. В-пятых, деятельностью этих советов руководил пожизненно избираемый председатель...» [Кажаров 1994: 209, 210]. Однако, как отмечал В. Х. Кажаров, несмотря на ряд общих характеристик, хасэ в феодальную эпоху не были генетически связаны с хасэ архаической эпохи. Феодальные хасэ возникли на основе княжеского совета и представляли собой новообразование. Кажаров показал, что феодальные хасэ не были застывшими институтами, что они эволюционировали в процессе развития феодальных отношений от неструктурированных, аморфных совещаний к системно организованному (упорядоченному) сословно-представительным собраниям [Кажаров 1992: 14].

В Кабарде эта трансформация была связана с именем великого князя (пшышхуэ) Кабарды Беслана II (1498–1525).

Произведенный В.Х. Кажаровым сопоставительный анализ черкесского феодального парламента хасэ с парламентом Англии, Генеральными штатами Франции, сеймом Польши выявил их типологическую близость [Кажаров 1994: 17, 18]. Она подтвердилась и ходом дальнейшей эволюции хасэ в последней трети XVIII – первой половине XIX в. в трехпалатные, а в ряде провинций Западной Черкесии – во всесословные законодательные Собрания. Время существования двухпалатного сословно-представительного собрания в Кабарде было им датировано XVI в. – 1767 г. [Кажаров 1992: 15]. Тогда в результате крупнейшего антифеодального восстания, по решению хасэ Кабарды оно преобразовало себя в трехпалатное собрание. В Западной Черкесии процесс демократизации зашел еще дальше: на месте двухпалатного хасэ возникло (в течение XVIII в.) сначала трехпалатное хасэ, а с 1803 г. по решению Печетникского съезда в Шапсугии и в малых демократиях (Абадзехия, Шапсугия, Натухай, Убыхия) – трехпалатные феодальные парламенты трансформировались в демократические всесословные законодательные Народные собрания. Анализ этих трансформаций делает очевидным, что многие из обычаев, регулировавшие деятельность архаических народных собраний, превратились в феодальный и демократический периоды, соответственно, в феодальные адаты. Общие черты представительных учреждений Черкесии на демократическом протяжении тысячелетий можно объяснить их тесной связью с ментальностью черкесского этноса.

Историк внес важный вклад в системное изучение институциональной истории феодальной Черкесии и, прежде всего, структурообразующей единицы черкесского феодального социума вотчины-общины (кьюажэ). В капитальной монографии «Адыгская вотчина» В.Х. Кажаров показал, что структурообразующей единицей черкесского феодального общества являлась не сельская община, как это считалось ранее, а вотчина-община (кьюажэ), где лексема *вотчина* отражала сущность этого социального института, а лексема *община* – его форму. Именно в силу этой особенности социально-политического развития черкесов имело место противоречие между различными сведениями источников: одна часть показывала высокий уровень феодальных отношений, а другая – отмечала бытование в Черкесии черт архаической общины. Благодаря фундаментальным философским познаниям В.Х. Кажарову удалось раскрыть бытование феодальной вотчины в *форме* архаической общины, что позволило снять имевшийся гносеологический конфликт. Таким образом, заслуга В.Х. Кажарова состояла в том, что он извлек из архаической «оболочки» ее содержание – феодальную вотчину.

Историк показал, что вотчина «была тесно взаимосвязана со своим антиподом – сельской общиной» [Кажаров 2012: 3]. Он выявил, что аграрная структура феодального общества Черкесии состояла из наложенных друг на друга двух систем (феодальное землевладение и общинное землепользование) [Кажаров 1981: 72] и трех подсистем (вотчина / структурообразующий элемент, многосословность, элементы общины [Кажаров 1992: 32]). В результате трансформации сельская община «перестала существовать как социальная организация, будучи полностью поглощенной вотчиной» [Кажаров 1994: 132]. Однако, ее внутренняя структура, будучи исторически наиболее стабильной формой общественной жизни, стала одним из главных факторов, поддерживавших сохранение многих традиционных черт черкесского феодального общества. Так, на протяжении всего периода существования феодальных отношений сохранялся раннефеодальный порядок, когда хозяйство феодала не было значительно крупнее хозяйства крестьянина. При этом феодал входил в общину наряду с другими членами на правах ее привилегированного члена – главы общины. Так проявлялось привилегированное положение сеньора, чьи права на землю были закреплены не юридически, а

фактически. И именно в силу этого феодал обладал правовыми, экономическими и политическими привилегиями. Эксплуатация крестьян, представлявшая собой различные виды феодальной земельной ренты, прикрывалась «оболочками», представлявшими собой традиционные для архаической общины институты взаимопомощи.

Вслед за Е.Дж. Налоевой исследовавшей феодальную вотчину в сравнительно-историческом и юридическом аспектах [Налоева 1980: 20, 21], В.Х. Кажаров осуществил анализ вотчины как социальной единицы черкесского феодального общества. Он отмечал, что вотчинный принцип пронизывал всю институциональную инфраструктуру черкесского феодального общества. Он выявил, что понятие *вотчина* в черкесском языке является крайне полисемантическим, это родовое понятие разделялось на несколько видов. Вотчина-деревня или вотчина-община – кьуажэ, где черкесское село кьуажэ представляло собой пространственную проекцию особой социальной единицы, являлась основной, но не единственной, единицей феодального владения. Помимо нее существовали «фамильные княжеские вотчины-уделы, частные княжеские вотчины-уделы, фамильные и частные вотчины знатных дворян (тлекотлешей и дигенуго), включавшие несколько деревень, вотчины поместья внутри села» [Кажаров 1993: 16, 17]. Таким образом, вся феодальная Черкесия была «разбита на десятки тысяч таких мельчайших вотчин, человек любого социального ранга свою свободу и неприкосновенность (при всей относительности в условиях феодализма) прежде всего, связывал с положением вотчинника» [Кажаров 1994: 126, 127].

В.Х. Кажаров отмечал, что утверждение Н.И. Карлгофа о том, что первый элемент общества составляет свободное семейство с его подвластными приблизило его к пониманию микроструктуры черкесского феодального общества. «Свободное семейство» Карлгофа, сохранив «оболочку» или внешние признаки родовой организации, представляло собой на самом деле социально-экономическую и социально-политическую единицу черкесского феодального социума – вотчину [Кажаров 1993: 83]. В.Х. Кажаров отмечал, что мелкие вотчины были «микроструктурой, микроэлементом, первичным элементом феодально-вотчинной системы, пределом ее делимости, за которым теряется ее основное качество. <...> Выражаясь образно, мелкие вотчины являлись социальными «атомами» этого общества, а вотчина-община была «молекулой», или основной системообразующей клеткой, связывающей ее в одно целое» [Кажаров 1994: 121, 122].

Выводы В.Х. Кажарова подтверждаются исследованиями других авторитетных историков. В.А. Дмитриев, к примеру, на основе анализа сведений С. Хан-Гирея замечает, что описанные им адыгские роды или «семейства» (соответствовали латинской *familia* в значении родового названия) не сохранили «своей роли организатора пространства расселения его членов» и представляли собой «ментальные конструкции» [Дмитриев 2004: 118, 119]. А.И. Робакидзе, при всей спорности ряда положений его концепции «горского феодализма», точно подмечал, что сохранение формы «патронимической семьи» нового типа было обусловлено заинтересованностью самой феодальной системы «в наличии платежеспособных и трудоспособных семей, на которых держалось феодальное хозяйство» [Робакидзе 1978: 18].

Название всех видов феодалов-вотчин происходило от патронимов. Родовые названия или адыгская антропонимическая модель сложились у черкесов еще в античное время. Как и у древних греков и римлян к имени черкесов прибавлялось окончание – «сын», что соответствовало черкесскому – кьуэ (-ко, -ук). Эта антропонимическая модель получила дальнейшее развитие в период феодализма. В эпоху развития феодальных отношений она стала двучленной: к основному имени прибавляется имя отца (патроним), который впоследствии нередко становится родовой фамилией. Патронимы давали название всем видам феодалов-вотчин. Они

образовывались от имен владельцев вотчин с прибавлением на конце частички *-ай* или *-ой*. Вотчины («дворы», «кѳуажѳ») являлись административно-хозяйственными центрами феодальных владений разного уровня. Основной административно-хозяйственной, территориальной, социальной и административно-политической единицей была вотчина-община (кѳуажѳ) [Кажаров 1992: 15–17]. Из десятков кѳуажѳ состояли удельные вотчины, принадлежавшие фамилиям сеньоров, а они, в свою очередь, составляли княжества, принадлежавшие династии Иналидов.

Общепризнано, что «выявление вотчины как структурообразующего элемента адыгского феодализма, исследование глубинных основ вотчинной организации, ее взаимосвязи с особенностями менталитета адыгов» [Бгажноков 2009: 4], стало большой научной заслугой В.Х. Кажарова в исследовании вопроса об уровне и характере общественного развития черкесов в XVI–XVIII вв. и в спорах об «особом» историческом пути самого многочисленного некогда народа Кавказа – черкесов.

Проблема уровня социально-политического и социально-экономического развития Черкесии являлась одной из сложных в кавказоведении. В.Х. Кажаров отмечал, что в отечественной историографии доминировали взгляды, содержавшие в себе по существу «две антитезы в понимании их общественного строя: как общинно-родового и как феодального» [Кажаров 1994: 50]. Через изучение аграрного строя, процессов генезиса, развития и кризиса черкесской вотчины-общины с помощью метода компаративистики историк доказал, что сходство западноевропейской и черкесской моделей развитой системы вассалитета, на которое обращали внимание многие авторы XV–XIX вв., а также российские государственные деятели, не являлось случайным совпадением внешних признаков. Эта близость была порождена органическим сходством аграрной эволюции. В качестве особенностей черкесского феодализма назывались, прежде всего, следующие черты:

1. Пшцы (государи, князья), обладая феодальной собственностью на землю, будучи верховным распорядителем всей земли княжеств, как и другие сеньоры (уэркѳ'и) не имели своей запашки и участвовали наряду с крестьянами в регулярном переделе пашенных наделов, им принадлежала запашка, которая зачастую не превышала размера крестьянского надела, а если и превышала, то незначительно. В отличие от крестьян у них была привилегия на «полный плуг», на который полагалось 8 быков, в то время как максимальный надел крестьян составлял участок земли, вспаханный 3 парами быков [Кажаров 1994: 87–89].

2. Доходы пшцы и уэркѳ'ов складывались, прежде всего, из ренты, получаемой с различных категорий крепостных крестьян [Кажаров 1994: 179].

3. Вслед за Н.И. Карлгофом и В.К. Гардановым [Карлгоф 1860: 517; Гарданов 1967: 328], В.Х. Кажаров еще более убедительно показал, что полнокровные феодальные, а затем и демократические процессы развивались в Черкесии (XIX в.) исключительно внутри патриархальных и раннефеодальных форм – «оболочек» или «юридических фикций» [Кажаров 1994: 87].

Благодаря исследованиям Кажарова можно сделать в сравнительном анализе черкесской и европейских феодальных систем следующий шаг и сопоставить так называемые специфические черты черкесского феодализма с типологическими чертами западноевропейского феодализма. Так, С.Д. Сказкин выделял следующие характерные черты французского феодализма:

1. Сеньор, являвшийся феодальным собственником крестьянской земли, не имел «собственной запашки, или эта запашка близка по своим размерам к обычному крестьянскому держанию» [Сказкин 1973: 199].

2. «Основной доход сеньора составляли денежные и натуральные платежи земледельцев, живущих на территории его сеньории, а не доход от собственного хозяйства, от его собственной запашки» [Сказкин 1973: 199].

3. «Вплоть до XIX в. сеньориальный строй несет на себе следы своего раннефеодального происхождения» [Сказкин 1973: 199, 200].

Наглядно, что идентифицированные как специфические для черкесского феодализма черты представляют собой не что иное, как характерные признаки феодального строя Западной Европы. Таким образом, несмотря на географическую отдаленность Черкесии от этой части света, можно утверждать, что структурно-институциональные исследования В.Х. Кажарова подтвердили: черкесский феодализм не только был близок к европейскому типу феодализма, но и представлял собой один из его вариантов. Наряду с французским, итальянским и юго-западно-германским вариантами можно говорить и о черкесском варианте западноевропейского типа феодализма. Одно из объяснений такого совпадения состоит в общности древних архетипических начал общественного устройства в странах Европы и Черкесии, на что еще в 1848 г. обращал особое внимание Н.И. Карлгоф [Карлгоф 1860: 517].

На основе изучения вотчины-общины во временной динамике В.Х. Кажаров обосновал правомерность деления истории феодализма в Черкесии на три стадии: генезис, зрелость, кризис. Процесс генезиса феодальных отношений датировался им V–XIII вв. [Кажаров 1994: 115], когда формировалась вотчина-община (кьюажэ) как социальная единица черкесского феодального общества. В XIV–XVII вв. феодализм достиг зрелости, доказательством чему является установление в черкесском обществе: 1) безраздельного господства феодальной земельной собственности; 2) безусловного торжества ее организационного воплощения – вотчины; 3) раскол общества на два резко поляризованных класса, исчезновение архаического слоя свободных общинников. В XVI–XVII вв. феодализм в Черкесии «обнаружил пределы своего роста» [Кажаров 1994: 135]. Таким образом, на основе трудов историка можно выделить следующие этапы развития феодализма в Черкесии: 1. Генезис. V–XIII вв.; 2. Зрелость. XIV–XVII вв.; 3. Кризис. XVIII–XIX вв.

С проблемой кризиса феодализма в Черкесии самым непосредственным образом была связана концепция В.Х. Кажарова о дивергенции путей общественного развития Востока и Запада Черкесии с конца XVIII в. Этот процесс был обусловлен тем, что кризис феодальных отношений в Черкесии протекал двумя разными путями. В соответствии с этим территория страны разделилась на демократически устроенный «запад» и оставшийся аристократическим «восток». В основе этой дифференциации лежали возникшие в период кризиса феодального строя территориальные различия в аграрном строе и появившиеся на этой основе отличия в социальном устройстве и политическом управлении на западе и востоке страны.

Такая дивергенция путей социального развития внутри одной этнической общности или страны для той эпохи была, скорее, типичной, чем уникальной [Сказкин 1973: 199]. Заслуга В.Х. Кажарова состоит в том, что он выявил основу дивергенции путей общественного развития Запада и Востока Черкесии – изменение аграрного строя на Западе страны. Он показал, что до демократических преобразований на территории всей Черкесии имела место полная идентичность (даже в деталях) аграрного строя: в формах землепользования, характере земледелия, особенностях землевладения, формах феодальной ренты и, соответственно, в социально-политической системе. Очевидно, что подобное тождество могло возникнуть «только в рамках одного этносоциального организма, приобретая в нем устойчивую структуру. <...> Неизменное функционирование этой системы на западе и востоке <...> доказывает долгую предысторию ее формирования в рамках одной древнеадыгской народности» [Кажаров 1994: 112, 113]. В процессе эволюции общества и классовой борьбы в западной части страны возник отличный от востока страны тип земельного «утеснения». Последствием этого стала замена возникшей в процессе становления феодальной вотчины древней черкесской системы общинно-передельного землепользования системой частного подворного землевладения.

В.Х. Кажаров видел причины такой трансформации, во-первых, в горном ландшафте и малоземелье, а, во-вторых, и особенностях экономики на западе и востоке страны. В горных областях страны из-за сложившегося типа земельного «утеснения» со временем стала доминировать система интенсивного полеводческого хозяйства. Здесь кьуажэ состояли из 5–10 дворов и располагались «сплошной цепью по ущельям и речным долинам», границы между ними были нечетки и размыты [Кажаров 1994: 127]. Со стороны это смотрелось так, будто они располагались сплошной полосой. Обрабатываемые участки примыкали к усадьбам мелких вотчинников и передавались по наследству. Таким образом, в Западной Черкесии, как это было и в Западной Европе, земледельцы, вопреки субъективным устремлениям своих господ, добились превращения своего прикрепления к земле в его противоположность. Земля была превращена в наследственное достояние непосредственного производителя, который «стал считать себя собственником земли не в меньшей мере, чем его господин» [Сказкин 1973: 208]. Трансформация феодальной системы сопровождалась в Западной Черкесии упадком традиционной вотчинной организации, в том числе и вотчины-общины (кьуажэ) и «широким распространением мелких тфокотльских (лхукьуэлI) вотчин нового типа» [Кажаров 1994: 127].

Важнейшим аспектом проблемы демократизации в Черкесии и дивергенции путей общественного развития является впервые поднятый историком вопрос о демократических реформах в Кабарде. Институциональные исследования позволили В.Х. Кажарову «изнутри» увидеть процессы демократизации в Кабарде. Он показал, что кризис феодальных отношений привел к тому, что Кабарда также как и Западная Черкесия, была охвачена демократическими идеями. Более того, именно Кабарда стала первым черкесским княжеством, где состоялись институциональные демократические реформы. Однако эти преобразования были проведены не «снизу», как в Западной Черкесии, а «сверху» и во главе их стояли не представители лхукьуэлI'ей, а правящий класс в лице князей (пщы) и дворян (уэрк'ов). Одним из ярких подтверждений демократических реформ в Кабарде служит деятельность известного черкесского философа и общественного деятеля, советника пщышхуэ Кабарды Асланбека Кайтукина (май–сентябрь 1732; 1736–1739) Жабаци Казаноко. Он вошел в историю как защитник крестьянства [История философии 1968: 486, 487], что, очевидно, было связано с усилиями по предупреждению социально-политических преобразований в том радикальном виде, как они имели место несколькими десятилетиями позднее на западе Черкесии. В 1767 г. под давлением самого крупного в истории Кабарды лхукьуэлI'ского восстания, по инициативе правящих кругов двухпалатное сословно-представительное собрание было преобразовано в трехпалатное» [Кажаров 1994: 280, 281] и внесены определенные изменения относительно правового положения лхукьуэлI'ей.

В Кабарде лхукьуэлI'ское или народное представительство в хасэ было сформировано не на основе соседской общины нового типа, как на западе Черкесии, а на основе феодальной вотчины-общины (кьуажэ). «Логично предположить, что многие из «старшин» попросту назначались их владельцами» [Кажаров 1994: 280], – отмечал В.Х. Кажаров. В силу отсутствия у вотчины-общины в Черкесии большого потенциала для развития институтов самоуправления, социально-политические реформы в Кабарде не обладали той широкой социальной базой, какую они имели в западно-черкесских землях и политический фасад феодальной системы здесь не претерпел существенных изменений. Именно в результате этих процессов демократизация в Черкесии пошла на западе «снизу», а на востоке – «сверху». Демократические преобразования «снизу» привели к социо- и политико-генетическим процессам, в результате которых на месте княжеств Хегайкия, Жане и части территорий Бжедугии и Кемиргоя появились, говоря словами Г.В. Новицкого, «малые демократии» [Акты... 1878: 890]: Абадзехия, Шапсугия, Натухай и Убыхия.

Историк выявил, что в основе «консерватизма» Кабарды лежал сложившийся на равнинах Черкесии тип земельного «утеснения», способствовавший сохранению традиционной для феодальной Черкесии системы переложно-залежного земледелия. «Сила» правящего класса Кабарды позволила ему монополизировать земельную собственность в своих руках, став ее «единственным субъектом», а также произвести демократические реформы «сверху», предотвратив западно-черкесский вариант демократизации общества. Здесь вотчина-община не только не была разрушена, но даже получила дальнейшее укрепление [Кажаров 1994: 35, 105, 106]. Таким образом, несмотря на значительное сходство институциональных преобразований в Западной и Восточной Черкесии (создание трехпалатного сословно-представительного собрания хасэ, изменение ряда норм неписанной черкесской Конституции Адыгэ хабзэ, регулировавших межсословные отношения, изменение системы композиций), установившаяся разница в аграрном строе двух частей страны, привела к дивергенции социально-политического развития Запада и Востока Черкесии.

Взгляд В.Х. Кажарова на историческое значение демократических процессов в Черкесии отличался некоторой противоречивостью. Его оценка сущности демократических преобразований совпадала с оценкой В.К. Гарданова [Гарданов 1967: 250, 251, 328], считавшего демократические преобразования в Черкесии проявлением внутрiformационного кризиса. Валерий Хаширович писал: «Как бы не оценивались предпосылки и результаты общественно-политического переворота у шапсугов, натухайцев и абадзехов, он означал не межформационный, а внутрiformационный кризис феодализма, т.е. он не был буржуазной революцией. Тем не менее, социальные изменения у них были настолько велики, что термин «революция», употребляемый авторами первой половины XIX века не кажется гиперболой» [Кажаров 1992: 121–123]. В то же время историк отмечал, что если предположить, что развитие индивидуальной частной собственности в Черкесии было вызвано внутренними причинами, то надо согласиться и с тем, что феодализм «разлагался в силу наличия капиталистического уклада» [Кажаров 1994: 6].

В.Х. Кажаров также считал, что возникшее в XVI в. третье сословие в Черкесии, так и не сформировалось, при этом историк указывал на различия в положении лъхукъуэл'ей на востоке и западе страны. В условиях Кабарды лъхукъуэл'и действительно находились зачастую на правах оброчных крестьян Юэгу. Тем не менее, юридически они были свободны и принадлежали, как писал генерал Потемкин к «простому народу» [Кабардино-русские... 1957: 360], т.е. к третьему сословию. Очевидно, что принадлежащая В.Х. Кажарову концепция развития и кризиса феодального строя в Черкесии имеет еще очень большой потенциал для плодотворного исследования характера и значения демократических преобразований в Черкесии в XVII–XVIII вв.

* * *

В.Х. Кажаров, будучи человеком широкой научной эрудиции, превосходно знавшим историю, как России и Кавказа, так и европейских стран, тонко чувствующий специфику различных исторических эпох, всегда своими мыслями возвращался в долину реки Баксан. Именно к ней, к малой родине, к сакральному центру так любимой им феодальной Кабарды, а через нее и ко всей Черкесии, о которой он располагал глубокими познаниями, были прикованы его мысли и самые трепетные переживания в последние годы жизни, когда я его знала. Можно сказать, что эти переживания о будущем своего народа в значительной степени сыграли роковую роль в его судьбе, лишив его жизненного покоя. В этом смысле можно сказать, что он остался верен себе до конца... Как и средневековые рыцари Черкесии, о которых он так много писал, В.Х. Кажаров не изменил своему жизненному кредо: «Честь превыше жизни!».

Источники и литература

1. Абазов А.Х., Губжоков М.Н., Прасолов Д.Н. Рахаев Дж.Я., Унарокова М.Ю. Проблемы истории и этнографии адыгов в работах В.Х. Кажарова // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей, посвященных 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 7–44.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / пер. и сост. В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
3. Адыгская (черкесская) энциклопедия / под ред. М.А. Кумахова, В.Х. Кажарова. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2006. 1247 с.
4. Адыгские песни времен Кавказской войны / отв. ред. В.Х. Кажаров. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 436 с.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК) / под ред. Ад. Берже: В 12 т. Т. 7. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала гр. И.Ф. Паскевича (1827–1809). Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1878. 994 с.
6. Бгажноков Б.Х. Отыскать беспристрастную точку зрения // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей, посвященных 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 3–6.
7. Боров А.Х., Азикова Ю.М. Концепция раннего государства в современной политической антропологии // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 6–12.
8. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы / под ред. А.И. Першица. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 178 с.
9. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: В 2 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. II. 485 с.
10. Гадло А.В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 437–454.
11. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.
12. Губжоков М.Н. Валерий Хаширович Кажаров // Вестник науки / Адыгейский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. 2014. № 3 (27). С. 236–238.
13. Дмитриев В.А. Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 31–104.
14. История философии в СССР. В 5 т. Т. I / ред. В.Е. Евграфов. М.: Наука, 1968. 580 с.
15. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. XVIII в. / сост.: В.М. Букалова. 427 с.
16. Кажаров В.Х. Адыгская вотчина: К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик: Эльбрус, 1993. 136 с.
17. Кажаров В.Х. Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX в. // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 500–511.
18. Кажаров В.Х. Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 160 с.
19. Кажаров В.Х. «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 326–344.
20. Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2012. 83 с.
21. Кажаров В.Х. Сельская община у адыгов: (Поземельные отношения): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1982. 22 с.
22. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 438 с.
23. Кажаров В.Х. У истоков общественной мысли кабардинцев // Исторический вестник. Нальчик, 2005а. Вып. I. С. 301–328.
24. Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населявших северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. II. С. 517–551.
25. Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право, его особенности. Изд. 2-е. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 193 с.

26. *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Вып. I. 343 с.
27. *Налоева Е.Дж.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 364 с.
28. *Налоева Е.Дж.* Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды: Сборник статей. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 5–27.
29. *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. № 2. С. 15–24.
30. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: В 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. 323 с.; Т. 2. 387 с.
31. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков: Сборник материалов / сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 393 с.
32. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с. (В соавторстве).
33. *Семенов Ю.И.* Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998. № 2. С. 3–17.
34. *Сказкин С.Д.* Избранные труды по истории. М.: Наука, 1973. 453 с.

CONTRIBUTION OF V.Kh. KAZHAROV TO THE CAUCASUS STUDIES

Ozova Fatima Anatolyevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Worker by Karachai-Cherkess Research Institute of Humanities ordered by «Sign of Honour» under Government of KCR, fo7799@rambler.ru

The circle of scientific interests of V.Kh. Kazharov fully corresponded to the development trends of world historical thought at the end of the 20th century. The historian developed many aspects of agrarian and ethnopolitical history, in particular the problems of innovations and transformations of the traditional political culture of the late 18th – 19th centuries, as well as issues of spiritual and intellectual history, mentality and historical consciousness of the Circassians. V.Kh. Kazharov, applying an analysis of the history of the basic institutions of the Circassian society (its social basis – the patrimony-community / *kuazhe* and the most important elements of the political system – legislative estate-representative assemblies / *hase*, grand duke / *pschysh-hue*, princely court / *hei*) structural approach, formulated the concept of the crisis of feudal relations in Circassia and resolved the question of the causes of divergence of the ways of social development of the East and West of the country at the end of the XVIII century. The research of V.Kh. Kazharov is of fundamental importance for understanding the socio-political history of all Caucasian ethnic groups.

Keywords: V.Kh. Kazharov, methodology, structure-forming unit, fiefdom-community, Circassian statehood, Circassian parliamentarism, land «oppression», divergence, Caucasus, Circassia.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-7-19